

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Андрей Клишас*

DOI 10.24833/2073-8420-2018-1-46-32-42

Введение. Социальное государство, являясь концепцией, генезис которой связан с необходимостью разрешения обострившихся общественных противоречий, в современной системе государственного строительства представляет собой основополагающий принцип, призванный определять содержание политики государства. Несмотря на то, что наиболее целостное представление о содержании понятия социального государства было сформировано относительно недавно, описание определенных черт, характерных для социального государства как специфического явления общественной жизни, усматривается в трудах философов и правоведов различных исторических школ и эпох, что позволяет прийти к выводу о том, что характеристика «социальности» имманентно присуща институту государства. Динамизм развития общественных отношений опосредует непрерывающийся поиск новых подходов к социальному государству и постоянное обращение к этому принципу с целью максимально полного и всестороннего раскрытия конституционных положений и обеспечения их прямого действия.

Материалы и методы. Теоретическую основу настоящей работы составляют научные труды философов и правоведов, придерживающихся позитивистского направления в правопонимании. Методологическую основу исследования составляют такие методы, как формально-логический метод, метод системного анализа, структурно-функциональный метод.

Результаты исследования. В статье приводятся базовые положения правового анализа концепции социального государства, рассматриваются вопросы, связанные с восприятием такой концепции в рамках позитивистских видов правопонимания различных исторических периодов, аспекты социальной характеристики государства в контексте обеспечения прав человека, анализируется раскрытие концепции социального государства в практике органов конституционного контроля.

Обсуждение и заключение. Принцип социального государства представлен позитивными обязанностями органов государственной власти по обеспечению социально-экономических прав человека и обеспечению баланса социальных интересов. Во многом реализация принципа социального государства зависит от деятельности органов конституционного контроля, основная задача которых в приведенном контексте – конкретизация содержания соответствующих конституционных норм в рамках конкретных общественных отношений.

* **Клишас Андрей Александрович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права и государства РУДН, научный руководитель Юридического института РУДН, Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству.
E-mail: klishas_aa@pfur.ru.

Социальное государство, ставшее в конце XIX – начале XX века явлением, производным от новой программы английского либерализма, и, в то же время являясь «новой стадией в развитии правового государства» [10], которая воспринималась обществом в значительной степени неоднозначно¹, приобретает черты уже не способа «преодоления социальной напряженности» [13. С. 700], а является одним из руководящих начал нормотворческой и правоприменительной деятельности, направленным не только на «упорядочение» общественных отношений, но и обеспечение релевантного общественному запросу комплекса реакционных по отношению к социальной и экономической конъюнктурам мер.

Конституция как акт, обладающий верховенством и высшей юридической силой, постулируя определенную систему ценностей и целей, в том числе в контексте закрепления принципа социального государства, создает базис для законодателя, наполняющего в процессе законотворческой деятельности юридическим смыслом отдельные конституционные положения в их совокупности и взаимной связи по мере развития широкого спектра общественных отношений и изменения социальной и экономической конъюктур, что иллюстрирует политическую сущность конституции, опосредованную динамизмом конституционно-правовых отношений.

В этой связи органы конституционного контроля, осуществляя толкование конституционных положений в динамике, корректируя конкретизацию конституционных формул законодателем, обеспечивают исполнение функции правовой охраны конституционных постулатов, придавая конституционным формулам и постулатам качество динамической универсальности, обеспечивающее стабильность конституционно-правовых отношений и незыблемость основ конституционного строя, с одной стороны, и способность механизма государства реагировать на актуальные вызовы и угрозы в целях охраны конституционных ценностей, с другой стороны.

В зависимости от господствующей в правовой (и философской) научной сфере

конкретного временного периода и территории концепции правопонимания – соответственно различаются и онтологическая составляющая такой характеристики государства, как «социальность». Следует отметить, что зачастую (в рамках большинства типов правопонимания) смысловым ядром, то есть основным «мотивом» обеспечения социальной характеристики государства является в той или иной интерпретации частная справедливость – «нравственно санкционированная соразмерность» в распределении благ и зол, их взаимном обмене и воздаянии за проявление субъектами тех или иных свойств в обществе», что, однако, в общем смысловом контексте не является характерным для конкретных видов правопонимания (к примеру, легистского правопонимания) [7. С. 17].

Рассмотрение концепции «социальности» как «элемента» государства позволяет сделать вывод об имманентности социальной характеристики такой форме организации общественных отношений как институт государства в рамках любого периода существования указанного института. При этом при рассмотрении концепции социального государства необходимо сделать допущение на соотношение механизмов государства, применение которых опосредует реализацию функций государства, целью которых, в свою очередь, является определение соотношения между справедливостью «уравнивающей» и справедливостью «распределяющей», а также мер, обусловливаемых социальной и экономической конъюнктурой для достижения частной справедливости.

Аспект «социальности» государства в силу его многогранности лежит в плоскостях объектов и предметов исследований различных наук социально-гуманитарного цикла, как то: философии, социологии, теории права, конституционного права, что предопределяет междисциплинарный и межотраслевой характер исследований сущности и природы социального государства, различных воззрений на таковые.

Рассмотрение концепции социального государства в контексте различных подходов к правопониманию позволяет проследить эволюцию такой характеристики в рамках исторического развития общества.

¹ При одновременном восприятии апологетами характерной для указанного периода истории идеи «массового» индивидуализма того, что «источниками национальных средств, с помощью которых только и можно осуществить социальные реформы, являются личная энергия и капитал [в отношении которых, в свою очередь, вследствие отсутствия теоретической (а, вернее – «идейной») основы, собственники такой личной энергии и капитала были попросту не готовы осуществить их безвозмездное отчуждение]. [И] если парализуется то или другое, происходит уменьшение общего народного дохода, а следовательно и тех средств, которые необходимы для создания и поддержания лучших условий общественной жизни» [10].

Так, особенность понимания социального государства «старым» легизмом состоит в том, что необходимый уровень благополучия каждого гражданина обеспечивается в большей степени не безвозмездным перераспределением социальных благ в пользу менее обеспеченных общественных групп², а созданием основанных на законе условий для формирования различными группами базы для обеспечения собственной жизненной активности³. При этом, несмотря на эфемерность допускаемой «произвольности» властных решений⁴, – в основе принятия таковых в соответствии со «старой» легистской концепцией правопонимания усматриваются некоторые черты представительности, опосредованные, однако, не волеизъявлением той или иной социальной группы и делегированием своему «представителю» прав и возложению на такого «представителя» обязанностей, а авторитетом *pater familias* в общественной ячейке семейно-патриархального типа⁵.

В свою очередь рассмотрение концепции социального государства в рамках позитивистского подхода Нового времени, предполагающего обязанность государства по обеспечению всеобщего блага⁶, отчасти герменевтически расширяет приведенную позицию «старого» легизма. Такая обязанность

государства в соответствии с концепцией позитивизма Нового времени следует из более общего объекта деятельности государства – обязанности государства по «обеспечению безопасности народа»⁷.

Сформулированные в рамках позитивизма Нового времени идеи, несмотря на формирование в эгатическом ключе точки зрения об обязательности осуществления поддержки определенных социальных групп «Левиафаном», еще не приходят к выводу о необходимости осуществления такой поддержки иными участниками общественных отношений, а тем более о необходимости формирования у участников общественных отношений социальных ориентиров относительно оказания такой поддержки. Примечательно, что в трудах ученых рассматриваемого периода уже начинает проследиваться соответствующий вектор философского, правового и социального развития. Так, Т. Гоббс отмечал: «само было жестокостью со стороны кого-либо отказывать поддержке беспомощному человеку» [6. С. 269].

Между тем, следует акцентировать внимание на том, что при признании позитивизмом Нового времени наличия у государства социальных обязательств, справедливым будет предположить и косвенное признание наличия таковых у каждого гражданина как

² В том числе и незначительным для крупных собственников в отношении изъятия части имущества указанной группы граждан.

³ Так, «...даже голодный не будет тянуться к еде, точно так же как обреченный на смерть не будет цепляться за жизнь [когда будет установлена неизменность законов]. Совершенно мудрый правитель не ценит справедливость, но ценит законы. Если законы непременно ясны, а указы непременно исполняются, то больше ничего и не надо [в том числе и справедливость, как категория, при такой системе организации общественных отношений необходимой не является (кроме того, не представляется возможным и определение такой категории), в силу того, что полагаемое следствие, которое могло бы быть достигнуто посредством ориентации на такое явление, как справедливость, достигается посредством, как указано ранее, «непременной ясности» закона и исполнения указов] [9. С. 216].

⁴ Вследствие обеспеченной законом практически абсолютной автономии власти от каких-либо факторов при принятии установлений, кроме собственного усмотрения, что, в свою очередь, не исключает влияния на формирование такого усмотрения фактической обстановки в государстве.

⁵ «Когда правитель издает указы, люди знают, как осуществлять их. Успешное осуществление закона зависит от отношения к нему семьи, чиновники же только применяют его. [...] Решения об использовании закона покоятся на суждениях семьи» [9. С. 166-167].

⁶ «Если многие люди вследствие неотвратимых случайностей сделались неспособными поддерживать себя своим трудом, то они не должны быть предоставлены частной благотворительности, а самое необходимое для существования должно быть им обеспечено законами государства. Ибо, подобно тому, как само было жестокостью со стороны кого-либо отказывать поддержке беспомощному человеку, точно так же было бы жестокостью со стороны суверена – государства подвергать таких беспомощных людей случайностям неотделенной благотворительности» [6. С. 269].

⁷ «Обязанности суверена (будь то монарх или собрание) определяются той целью, ради которой он был облечен верховной властью, а именно целью обеспечения безопасности народа, к чему он обязывается естественным законом и за что он отвечает перед Богом, творцом этого закона, и ни перед кем другим. Но под обеспечением безопасности подразумевается не одно лишь обеспечение безопасности голого существования, но также обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретенных законным трудом, безопасным и безвредным для государства [при учете указанных ранее положений об обеспечении неспособных поддерживать себя своим трудом социальных групп]» [6. С. 260].

участника общественных правовых отношений⁸.

Таким образом, справедливо заключить, что позитивизм Нового времени сохраняет акцент исполнения социальных обязательств непосредственно за публичной властью, но предполагает, что источником таких обязательств является «кумуляция» общественных обязанностей каждого гражданина, реализация которых, в свою очередь, осуществляется опосредованно публичной властью, что обусловлено в том числе производностью правосубъектности публичной власти от правосубъектности народа как совокупности индивидуальных субъектов, то есть отношения, возникающие вокруг социальных обязательств государства, объективированы как в рамках отношений «публичная власть – общество», так и в рамках «горизонтальных» внутриобщественных отношений.

Развитие позитивизма Нового времени следует рассматривать во взаимной связи с течением либерального утилитаризма, актуального рассматриваемому историческому периоду, одним из ключевых элементов концепции справедливости которого является принцип максимизации полезности, восходящий к идее общественного интереса, выражением чего служит достижение максимальной полезности для всех участников общественных отношений, интересы, объ-

ективированные в максимальном удовлетворении потребностей, которые в сумме и образуют интерес общественный⁹. При этом деятельность публичной власти направлена на установление законов, которые являются «правилами полезности» [3], допуская для достижения общественного интереса установление такого регулирования, которое бы предполагало для одних лиц (представляющих меньшую группу) дополнительные ограничения (лишения), предохраняющие выгоды для других лиц (большой группы), что архиважно в рамках рассмотрения обозреваемой концепции.

Приводя обоснование целеполагания законодателя при установлении регулирования как формулирование законов, являющихся «единственным стандартом, с которым каждое отдельное лицо, насколько это зависит от законодателя, должно бы быть заставлено сообразовать свое поведение» [3], указывается, что целью установления такого регулирования является обеспечение безопасности и удовольствия каждого лица¹⁰. При установлении регулирования законодатель во обеспечение социального характера государства как формирует «базу удовольствия» посредством создания условий осуществления производящихся для выгоды обыкновенных занятий и связей посредством поддержки для общественных групп,

⁸ В рассматриваемом тезисе термин «гражданин» раскрывается посредством презумпции наличия у личности индивидуальной воли, которую, в свою очередь, составляют такие характеристики как способность приближенного к объективному осознания окружающей действительности и возможность, опосредованная критериями объективной действительности (в том числе в контексте их возможной корректировки самой личностью), принятия необходимых решений для достижения поставленной такой личностью целей) ввиду того, что воля государства (в контексте ряда воззрений о происхождении государства) является производной от воли каждого гражданина: «...общая власть [...] может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю» [6. С. 132].

⁹ «Принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью. [...] Известная мера правительства (это только особенный род действия, совершаемого частным лицом или лицами) может быть названа сообразной с принципом полезности или внушенной этим принципом, когда таким же образом стремление этой меры увеличить счастье общества бывает больше, чем ее стремление уменьшить это счастье» [3].

¹⁰ При том последнее понятие, представляется следствием воздействия на индивида конкретных «приятных возбуждающих причин», и, учитывая непропорциональность силы таких причин уровню получаемого индивидом удовольствия, предполагается, что имеют место иные обстоятельства, способствующие формированию у индивида определенной степени удовольствия – «обстоятельства, имеющие влияние на чувствительность», предметно подразделяющиеся в том числе на «обыкновенные занятия», к которым относятся «как те, которые он производит для выгоды, так и те, которым он отдается для удовольствия в настоящем», «денежные обстоятельства», к которым относятся, помимо прочего, «связи посредством поддержки» – то есть безвозмездно представляемые средства, получение которых такое лицо может ожидать (которым коррелируют потребности других лиц в виде «связей через тяготы» – «всякой траты, на какую [человек] имеет причины считать себя обязанным идти для помощи тем, кто по закону или по всеобщему обычаю считаются вправе ожидать от него помощи»), и «общественное положение», формируемое и подчёркивающее «обыкновенные занятия» и «денежные обстоятельства» [3].

чей уровень «общественного положения» является относительно низким, так и возлагает ряд социальных функций государства на тех, чей уровень «общественного положения» является относительно высоким – посредством создания условий для реализации такой группой индивидов «обыкновенных занятий», которым такие индивиды отдаются для удовольствия в настоящем и формирования потребностей в виде «связей через тяготы». Выражаясь иначе, законодатель, имея возможность устанавливать правила (а также имея необходимость исполнять обязанность по их установлению) формулирует их таким способом, чтобы были одновременно (если это реализуемо) обеспечены права всех социальных групп граждан (при, опять же, допустимости ограничения (лишения) прав меньших групп даже в случае, если цель формирования потребностей в виде «связей через тяготы» не достигается). При этом невозможно не учитывать необходимость обеспечения силы государства в понимании «старого» легизма, которая, в свою очередь, достигается опосредованно созданием позитивной социальной стабильности (устойчивости), и, соответственно, стабильности экономической, ведь в ситуации превалирования «страдания» над «удовольствием» в социальных группах относительно низкого уровня «общественного положения» создается угроза для «обыкновенных занятий» и «денежных обстоятельств» социальных групп относительно высокого уровня «общественного положения», что, в свою очередь, в определенный временной период потенциально может оказать эффект снижения уровня социального положения индивидов относительно низкого «общественного положения». С позиций юридической науки объяснение такой концепции в позитивизме представлено посредством дифференциации позитивного права на законы, направленные на защиту жизни (обеспечение безопасности) граждан – законы, воспринимаемые как обеспечиваемые социальной справедливостью правила нравственности¹¹ и законы, не воспринимаемые как правила нравственности и, соответственно, не обеспечиваемые социальной справедливостью, обладающие исключительно регламентарным характером.

Рассматривая одну из основных составляющих либерального утилитаризма – консеквенциализм в контексте правовой науки

также следует заострить внимание на целесообразности претворения публичной властью тех или иных нормотворческих и правоприменительных решений, ориентированных на соответствие принципу «полезности», определяемой (в том числе в части идентификации социальной характеристики государства как формы реализации публичной властью своих полномочий, направленных на достижение «общего блага») только в рамках конкретного периода и итогового результата, достижение которого определено точным временным отрезком или «точкой» истории как в случае изменения регулирования и предопределения новых «вводных» условий нормотворчества и правоприменения, так и в случае достижения определенной положительной статичности [1].

Несколько более полный вывод относительно определения онтологической составляющей социального государства следует из концепции неопозитивизма. Из смены основания права со справедливости и последующего отхода от восприятия права как правил нравственности на постулируемую основную норму, из которой следует предписание властью определенной модели поведения исходя из того, что, с позиции правовой власти «верно или ошибочно ценно для правового сообщества людей» [8] следует вывод о том, что вне отсутствия указания на необходимость обеспечения социальной характеристики государства в «высшей норме», не является необходимым проявление в конкретных, в том числе нормотворческих действиях, такой характеристики государства, как социальность (ввиду отсутствия данной характеристики как таковой).

При этом в соответствии с положениями неопозитивистской концепции действительность постулируемой нормы («высшей нормы») утверждается безусловно, так как она не может быть установлена властной инстанцией, что, в свою очередь, обусловлено тем, что для ее установления такой инстанции необходимы соответствующие полномочия, которые, в свою очередь, также должны проистекать из какой-либо нормы, которая в таком случае и должна являться высшей. Таким образом постулируемая норма определяется неопозитивизмом как норма, содержание и основание действительности которой «считается непосредственно очевидным» [8], – в рамках статического принципа основания действительности нормы,

¹¹ Которые, в свою очередь, в таком восприятии в части «преодоления трудностей примирения своекорыстного интереса с общим благом» были бы обеспечены «нравственным воспитанием» [11. С. 112].

или как норма, основание, но не содержание которой является действительным – в рамках динамического принципа основания действительности нормы, которые [принципы], применяясь во взаимосвязи к разным типам отношений, позволяют утверждать, что действительность концепции социальной государственности определяется как в рамках статического принципа действительности нормы, так и в рамках динамического принципа действительности нормы. Динамический принцип действительности нормы, постулирующей то или иное государство как социальное в рамках соответствующего конституированного на основании мыслимой основной нормы положения, позволяет публичной власти (или обязывает ее) принимать решения, направленные на раскрытие содержания этой нормы в рамках принципа статического.

Таким образом, неопозитивизм допускает возможность существования (а, равно с этим, отсутствия) как права, так и обязанности публичной власти по реализации мероприятий, которые позволяют охарактеризовать то или иное государство в качестве социального, и, соответственно, отсутствие или наличие необходимости в обеспечении публичной властью соответствующих условий для определения государства как социального.

Естественно-правовые концепции, едино утверждающие, что правопорядок должен быть справедливым, формируют представление о том, что такая справедливость должна быть формально выражена в тех правовых нормах, которые устанавливает государство, из чего следует, что в случае, если соответствующая норма справедливой не является, то и применению такая норма подлежать не должна, как норма, не являющаяся правовой («отрицающей справедливость» [14. С. 234]), и, вероятно, не обладающая такой характеристикой, как общеобязательность. В общем виде, справедливость государства (что, в свою очередь, и опосредует вывод о социальной природе в соответствии с приведенными ранее допущениями) как социального института с позиций апологетов естественно-правовых концепций выражена как «социальная обязательность, исполнение которой люди требуют друг от друга»¹² [15. С. 30].

Отдельно следует отметить, что всестороннее и полноценное исследование социаль-

ного государства как общественно-правовой конструкции представляется невозможным без рассмотрения вопроса о его ценностном содержании с позиции целеполагания, при котором такое аксиологическое содержание обусловлено целями социального государства, и, кроме того, социальное государство само по себе является публичной целью, что, несомненно, можно отнести к проблематике правовой, а, в первую очередь, конституционной аксиологии.

Ценностное содержание социального государства как конституционно-правового принципа может характеризоваться с позиции двух подходов: во-первых, социальное государство выступает как объект целеполагания государственно-организованного общества, и, во-вторых, социальное государство является результатом такого целеполагания государства, выраженным в материализации механизма реализации конституционно закрепленного принципа.

С точки зрения объекта целеполагания, содержанием социального государства является реализация социально-экономических прав человека (или «второго поколения» прав человека), прежде всего потому, что «социальностью» (в смысле конституционно-правового принципа) государство обладает *ipso facto* одной из задач своего функционала, а именно *ipso facto* необходимости обеспечения со стороны государства прав и свобод человека и гражданина, и, главным образом, необходимости обеспечения права каждого человека на достойное существование. Социальная функция государства в рассматриваемом случае выражается в осуществлении общественного интереса – в определенном смысле баланса интересов различных социальных групп, составляющих общественную структуру публичного территориального коллектива.

Права человека являются нормативной формой взаимодействия людей, упорядочения их связей, координации их поступков и деятельности, предотвращения противоречий, противоборства, конфликтов, по своему существу они нормативно формулируют те условия и способы жизнедеятельности людей, которые объективно необходимы для обеспечения нормального функционирования индивида, общества, государства [12. С. 217-233].

¹² Концепция социального государства в понимании школ естественного права является предметом нашего отдельного исследования, в связи с чем подробное рассмотрение этого вопроса в настоящей работе представляется нецелесообразным.

Содержание прав человека определяется конкретно-исторически¹³. Права человека стали одним из главных ценностных ориентиров общественного развития, они оказали огромное влияние на характер государства, явились ограничителями распространения его власти, способствовали установлению демократического взаимодействия между государственной властью и индивидом, освободив последнего от подавления его воли и интересов со стороны властных структур, формирование правового и социального государства было бы невозможно без утверждения в общественном сознании и нормативной практике прав человека [12. С. 217-233].

Права человека – сложное, многомерное явление, в разные эпохи приобретавшее различное содержание в зависимости от позиции находящейся у власти социальной группы, при этом на протяжении всей истории человечества оставаясь в центре внимания политико-правовой, философской и религиозной мысли [12. С. 217-233].

Поколения прав человека выделяют по времени возникновения различных групп прав. Второе поколение прав человека сформировалось в процессе борьбы различных классов и сословий за улучшение своего экономического положения, за повышение культурного статуса – это так называемые позитивные права, для реализации которых требуется организационная, планирующая и иные формы деятельности государства по обеспечению указанных прав [4. С. 160].

Идея социального реформирования, возникшая в конце XIX-начале XX веков на волне резкой поляризации буржуазного общества, ставила основной целью смягчить противостояние богатых и бедных в обществе, такая идея была связана с возникновением социальных, экономических и культурных прав – права на труд и свободный выбор работы, права на социальное обеспечение, на отдых и досуг, права на защиту материнства и детства, права на образование и др.

У прав второго поколения иная природа чем у прав первого поколения: если права первого поколения предполагают свободу индивида от государственного вмешательства в сферу осуществления им гражданских и политических прав, то в отношении соци-

альных прав государству недостаточно просто воздерживаться от вмешательства, оно наделяется созидательной функцией, которая позволила бы гарантировать провозглашенные социальные, экономические и культурные права [4. С. 160].

Социальное государство как объект целеполагания государственно-организованного общества, в сущности, также является реализацией патерналистских функций государства, в рамках которой им осуществляется создание механизма реализации социально-экономических прав человека.

Социальное государство, являясь в том числе предметом целеполагания государства, выраженным в материальном воплощении конституционного принципа организации политики государства, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, отражает стремление к юридическому компромиссу различных групп населения, при том, что государство выступает как субъект регулирования общественных отношений, целью которого является организация установления и соблюдения социальной справедливости, обеспечение интересов как общества в целом, так и его отдельных групп, поддержание уровня благосостояния граждан.

Для определения сущности социальной справедливости как системы норм и принципов, на которой строится модель взаимоотношений в рамках определенного общества, которая, в свою очередь, основана на социальных потребностях и интересах, представляется необходимым рассмотреть вопрос о статусе личности в контексте ее понимания как субъекта социальных, экономических, правовых отношений, определяемого конкретной моделью социального государства. Характеристика правового статуса личности занимает центральное место в концептуальном обосновании различных подходов к понятию сущности социального государства.

Система взаимоотношений личности, общества и государства с позиции консервативной модели социального государства строится на началах «антиэгалитаризма» – принципе, признающем неравенство индивидов в качестве необходимого условия бы-

¹³ Решающим этапом в развитии прав человека явились буржуазно-демократические революции XVII-XVIII вв., которые опосредовали определение не только широкого круга прав человека, но и принципа равенства. Ценность естественно-правового учения состояла в опоре на нравственные принципы и категории свободы, справедливости, человеческого достоинства. В противоположность естественно-правовому подходу юридический позитивизм ставит объем и содержание прав человека в зависимость от государственного установления.

тия социальной общности. Антиэгалитарный подход берет свое начало в основополагающих принципах философского течения консерватизма и его гносеологии, одним из которых является абсолютизация пространственных принципов мировосприятия. Философия консерватизма строится на идее о фундаментализме пространственных форм выражения сущности явлений, из чего берут свое начало представления о безусловной необходимости наличия у них такого качества, как стабильность во времени и других факторах внешней среды. Социальный идеал в представлении идеологов консерватизма заключается не в поступательном развитии согласно течению времени, а в стабилизированных объектах пространства: такими формами выступают вневременные формы существования людей: религия, государство и иные социальные институты. Консервативный подход исходит из положения о том, что сущности человека, общества и государства «укоренены» в бытие и принципиальных изменений не претерпевают. Именно с этой точки зрения общество представляет собой сложную социально-политическую организацию, состоящую из накопленных традиций, обычаев, нравов и интересов, а неотъемлемой частью такой организации является социальное неравенство, при этом различные формы неравенства в социальной, экономической, политической сферах рассматриваются как необходимый фактор бытия общества.

Таким образом, социальное неравенство с позиции консервативного подхода представляет собой не явление, опосредующее дискриминирующий характер социальной модели по отношению к отдельным индивидам или социальным группам, а, с одной стороны, естественный результат исторического развития общества, где характер естественного взаимодействия определяет неравномерное распределение различных благ – с другой же стороны – социальное неравенство выступает своеобразным гарантом стабильного существования общества, а также развития его культурного, экономического потенциала, поскольку именно неравенство создает необходимые условия реализации разнонаправленных интересов.

В контексте взаимосвязи становления социального государства и социального неравенства следует заключить, что классовый характер структуры общества во многом обуславливает само существование и развитие социального государства как системы государственной поддержки отдельных социаль-

ных групп с целью реализации принципа социальной справедливости.

С нашей точки зрения, содержание понятия социальной справедливости следует рассматривать с позиций диахронной перспективы – различные условия социально-культурного и общественно-исторического развития наполняют его различным содержанием. Характеризуя современный подход к определению содержания «социальной справедливости» и ее места в системе правового регулирования, правоприменения, а также ее значения в формировании конституционной реальности, целесообразно акцентировать внимание на трактовке такого понятия в рамках функционирования национальных правовых систем – в том числе в части толкования соответствующих конституционных положений органами конституционного контроля, прежде всего Конституционным Судом Российской Федерации.

Законодатель, а также широкий круг субъектов правоприменения, в том числе и органы конституционного контроля, в процессе реализации своих конституционных функций производят «наполнение» конституционных формул конкретно-правовым содержанием, что опосредовано динамикой конституционно-правовых отношений в том числе в контексте политической сущности конституции.

Осуществляя толкование положений конституции, восходящих к принципу социального государства, органы конституционного контроля так или иначе соотносят содержание нормы, смысл которой является объектом конституционного контроля, с конституционной формулой, постулирующей определенную систему ценностей и целей, с рядом взаимообусловленных факторов в контексте реализации конституционных механизмов (собственно «формул конституции»).

Анализируя практику Конституционного Суда России в отношении применения принципа справедливости, можно прийти к выводу, что с определенной долей условности такие дела можно подразделить на три группы.

Во-первых, Конституционный Суд, рассматривая дела, связанные с оценкой конституционности норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, неизменно обращается к такой задаче государства и одновременно цели уголовного наказания как восстановление социальной справедливости, которая имеет более широкий характер по сравнению с защитой нарушенных

преступлением прав граждан, однако в данном случае Конституционным Судом используется уже сформулированный законодателем принцип.

Во-вторых, в значительной степени существенное число актов Конституционного Суда принято в связи с рассмотрением обращений, представленных в отношении нормативных правовых актов, ограничивающих или нарушающих социально-экономические права человека, а также противоречащих конституционному смыслу принципов социального государства. Так, Конституционный Суд в ряде постановлений подчеркивает, что необходимым условием достижения целей социального государства, обязывающих Российскую Федерацию заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности, является развитие системы социального обеспечения, которая должна строиться на принципах равенства, справедливости и соразмерности, выступающих конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона¹⁴.

В-третьих, возможно выделить группу дел, касающихся отношений, при регулировании которых традиционно возникает проблема соотношения принципа справедливости со степенью возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Системообразующий подход, сформулированный Конституционным Судом Российской Федерации в результате рассмотрения дел о законности и обоснованности применения государством ограничений в отношении прав и свобод человека, содержит следующие положения: при осуществлении соответствующего правового регулирования федеральный законодатель обязан обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая вытекающие из Конституции Российской Федерации

принципы справедливости, равенства и соразмерности, а вводимые им нормы должны отвечать критериям определенности, ясности, недвусмысленности и согласованности с системой действующего правового регулирования¹⁵.

При этом важно отметить, что принцип социальной справедливости упоминается в актах Конституционного Суда как самостоятельно, так и наряду с другими принципами, что еще больше затрудняет выявление его собственного содержания, в частности, справедливость перечисляется в одном ряду с конституционными принципами правовой определенности, соразмерности (пропорциональности), в ряде случаев справедливость рассматривается как один из элементов равенства, а принцип социальной справедливости характеризуется как корреспондирующий обеспечению равных прав [5. С. 122].

Из системного смысла изложенного представляется возможным сделать следующие выводы: модель взаимоотношений личности и государства с точки зрения консервативного подхода к социальному государству, основанная на отрицании эгалитарного подхода к структуре общества, определяет положение личности как участника социально-экономического обмена, обладающего в равной степени с другими участниками такого обмена определенной мерой свободы в реализации своих возможностей, результатом чего является приобретение реальных материальных благ, а роль государства заключается в соблюдении эквивалентности социального обмена, соразмерности и равномерности в отношениях между самими субъектами права. При этом задача государства в данном случае не состоит в уничтожении исходных различий между индивидами, что представляется невозможным, а упорядочивает эти различия таким образом, что берет на себя функцию по уравновешиванию тех элементов социальной структуры общества, которые самостоятельно не могут участвовать в таком обмене (или могут

¹⁴ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 1997 года № 20-П и от 18 марта 2004 года № 6-П. Помимо этого, Конституционный Суд отмечал, что, устанавливая особые правила допуска к профессиональной деятельности и ограничивая тем самым право граждан на свободное распоряжение своими способностями к труду, федеральный законодатель обязан находить баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, соблюдать принципы справедливости, равенства и соразмерности, которые выступают в качестве конституционных критериев оценки законодательного регулирования прав и свобод, используя при этом не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры; при этом ограничения прав и свобод во всяком случае не должны посягать на само существо права и приводить к утрате его основного содержания.

¹⁵ Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 8-П, от 27 мая 2003 года № 9-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 30 июня 2011 года № 14-П, от 21 марта 2013 года № 6-П, от 18 июля 2013 года № 19-П, от 11 ноября 2014 года № 29-П.

участвовать в нем в степени, не являющейся необходимой).

Таким образом, характеризуя двойственность аксиологического содержания социального государства как объекта целеполагания, стоит заключить, что содержание социального государства представляет собой совокупность позитивных обязанностей государства по отношению к личности,

выраженных в мерах публично-правового характера, принятие которых основано на принципах справедливости и равенства, а также формально-определенный конкретный конституированный механизм, реализация которого сохраняет и поддерживает баланс социальных интересов в рамках реализации социальной справедливости.

Литература:

1. Austin J. Vol 2: Lectures on Jurisprudence or The Philosophy of Positive Law. London: J. Murray, 1873.
2. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. М., 1999.
3. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства (An Introduction to the Principles of Morals and Legislation) [Капустин Б.Г., пер., предисл., прим.]. М., 1998.
4. Варламова Н.В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4 (71).
5. Гаврилова Ю.В. Принцип социальной справедливости в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Социальная справедливость и право: проблемы теории и практики: материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова. М., 2016.
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1991.
7. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004.
8. Кельзен Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: Сб. пер. Вып. 1. М., 1987.
9. Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь Шу): пер. с кит. / Вступ. ст. Л.С. Переломов; коммент. Л.С. Переломов; послесл. Л.С. Переломов. 2-е изд., М., 1993.
10. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. М., 1909.
11. О Свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000.
12. Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999.
13. Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 2-е изд. М., 2014.
14. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
15. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / Перевод Вл. С. Малахова при участии Е. В. Малаховой. М., 1994.

WELFARE STATE: DEFINING THE PROBLEM

Introduction. *In the modern system of state-building the welfare state, as a concept, the genesis of which is associated with the need to resolve the aggravated social contradictions, is a fundamental principle, destined to determine the content of state policy. Notwithstanding the fact that the most comprehensive view of the welfare state concept was formed relatively recently, the description of certain features of the welfare state as a specific phenomenon of social life is seen in the works of philosophers and lawyers of various historical schools and eras. It allows us to conclude that the institution of state immanently has the characteristic of "welfare". The*

dynamism of the social relations development entails the permanent search for new approaches to the welfare state and the constant appeal to this principle in order to get the full and comprehensive disclosure of the constitutional provisions and ensure their direct action.

Materials and methods. *The theoretical basis of this work is the scientific works of philosophers and lawyers adhering to the legal positivism. The methodological basis of the research is the formal logical method, the method of system analysis, structural and functional method.*

Results. This article is devoted to basic propositions of the welfare state legal analysis; it includes analysis of the essence of the welfare state concept based on positivistic understanding of law in various historic periods; this article also analyzes some aspects of the welfare state concept regarding human rights protection and constitutional review.

Discussion and conclusion. The principle of the welfare state is presented as the positive duty of the public authorities to ensure social and economic human rights and the balance of social interests. The implementation of the principle of the welfare state strongly depends on the constitutional review bod-

ies' activities, the main purpose of which is to specify the content of the relevant constitutional rules within the framework of specific social relations.

Andrey Klishas,
Doctor of Legal Science, Professor, Head
of the Department of Theory of Law and
State, Academic Advisor of the School of Law,
Peoples' Friendship University of Russia,
Head of the Constitutional Legislation and
State-Building Committee of the Council of the
Federation

Ключевые слова:

социальное государство, социальная характеристика государства, права человека, типы правопонимания

Keywords:

welfare state, welfare as a component of the state, human rights, types of legal consciousness

References:

1. Austin, J., 1873. Vol 2: Lectures on Jurisprudence or The Philosophy of Positive Law. London: J. Murray.
2. Abercrombie, N., Hill, S., Turner, B.S., 1999. Sotsiologicheskiy slovar [The Dictionary of Sociology]. Translated from English under the editorship of S. A. Yerofeyev. Moscow.
3. Bentham, J., 1998. Vvedeniye v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatelstva [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation]. [Kapustin, B. G., translation, foreword, comments]. Moscow.
4. Varlamova, N.V., 2009. Klassifikatsiya prav cheloveka: podkhody k probleme [Classification of Human Rights: Approaches to the Issue]. *Sravnitel'noye konstitutsionnoye obozreniye [Comparative Constitutional Review]*. No. 4 (71).
5. Gavrilova, Yu.V., 2016. Printsip sotsialnoy spravedlivosti v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [The Principle of Social Justice in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Sotsialnaya spravedlivost i pravo: problemy teorii i praktiki: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Social Justice and Law: Theory and Practice. Materials of the International Practical Law Conference]*. Editor-in-Chief: T. A. Soshnikova. Moscow.
6. Hobbes, T., 1991. Leviatan, ili Materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiastical and Civil]. *Hobbes, T. Sochineniya [Works]*: In 2 vol. V. 2. Moscow.
7. Kashnikov, B.N., 2004. Liberalniye teorii spravedlivosti i politicheskaya praktika Rossii [Liberal Theories of Justice and Political Practice of Russia]. NovGu imeni Yaroslava Mudrogo. Velikiy Novgorod.
8. Kelsen, H., 1987. Chistoye ucheniye o prave Gansa Kelzena [Pure Theory of Law of Hans Kelsen: a compilation of translations]. Issue 1. Moscow.
9. Kniga pravitelya oblasti Shan [Book of Lord Shang]: translated from Chinese. Introduction by L. S. Perelomov; comments by L. S. Perelomov; afterword by L. S. Perelomov. Moscow, 1993.
10. Novgorodtsev, P.I., 1909. Krizis sovremennogo pravosoznaniya [Crisis of Modern Legal Consience]. Moscow.
11. O Svobode. Antologiya mirovoy liberalnoy mysli [On Freedom. An Anthology of Global Liberal Thought] (1st Half of the 20th Century). Moscow, 2000.
12. Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva: uchebnik [Issues of the General Theory of Law and State]. Under the general editorship of V.S. Nersesyants.
13. Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva: uchebnik [Issues of the General Theory of Law and State: Textbook]. Under the general editorship of V.S. Nersesyants. Moscow, 2014.
14. Radbruch, G., 2004. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Moscow.
15. Hoeffe, O., 1994. Politika. Pravo. Spravedlivost. Osnovopolozheniya kriticheskoy filosofii prava i gosudarstva [Political Justice: Foundations for a Critical Philosophy of Law and the State]. Translated by Vl. S. Malakhov with the help of Ye. V. Malakhova. Moscow.